

Л.П. ЛАПТЕВА

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

РУССКИЕ ИСТОРИКИ-ЭМИГРАНТЫ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ В 20–30-Е ГОДЫ XX В.

Abstract:

L.P. Lapteva. Russian migrant historians in the Slavic countries in the 1920–30s.

The article describes and analyses character of the research and works of Russian migrant historians in the Slavic countries in the 1920–30s, namely in Czechoslovakia, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (from 1929 Kingdom of Yugoslavia), Bulgaria.

Ключевые слова: русская эмиграция, историки-слависты, В.А. Францев, А.В. Флоровский, Б.А. Евреинов, А.Л. Погодин, Г.А. Острогорский, В.А. Мошин, М.Г. Попруженко.

Одной из особенностей послереволюционной эмиграции из России является наличие в числе эмигрантов представителей науки. Среди историков это число значительно. Подавляющее большинство ученых этой отрасли науки не приняли порядки, установившиеся после Октябрьской революции 1917 г., и в последующие годы оставили Россию. Учёная эмиграция создавалась стихийно, разными путями и способами. Многие ушли с отступающими белогвардейскими армиями, другие были высланы советской властью за оппозицию к ней, иные выехали индивидуально – бежали или даже с разрешения советских властей, но не вернулись в Россию.

Следует отметить, что в социальном отношении русские ученые, в том числе историки, представляли собой до эмиграции зажиточный слой общества. Они занимали высокие должности в экономике, образовании, здравоохранении, управлении, судах и т.д. В быту они имели имущество, квартиры, дома, дачи, имения, прислугу, гувернанток для детей, привилегии и права, которых не было у основной массы населения Российской империи. В период революции эти слои лишились всего, отсюда – их резко враждебное отношение к революции и новой России, переданное даже детям и внукам, родившимся за границей.

В Европе русские ученые-историки распределились неравномерно в географическом отношении. Они поселились в Германии, Франции, Польше и других странах. Целая группа историков осела в чешской Праге, хотя здесь, как и во всей Чехословакии, в архивах отсутствовали сколько-нибудь значительные материалы по русской истории, а в библиотеках, до создания Славянской библио-

теки министерства иностранных дел, не было необходимого запаса литературы. Кроме Праги к русским эмигрантам-историкам достаточно гостеприимно отнеслась Югославия. Что касается Германии и Франции, где также сосредоточились значительные группы русских историков, то после некоторого первоначального оживления их деятельность постепенно была ограничена.

В новых условиях историки-эмигранты должны были приспособляться к местной научной среде, к языку страны поселения, к интеллектуальным потребностям нового для русских общества. И хотя возможности для работы историков были неблагоприятны, всё же именно в Чехословакии и Югославии достаточно результативно продолжалось их творчество. В Праге был создан ряд общественных организаций, таких как Русское историческое общество, Русский народный университет, Русский заграничный исторический архив, *Seminarium Kondakovianum*. Все эти организации издавали свои научные труды, сборники, в которых печатались сочинения русских историков. Расположенность чехословацких властей к русской учёной эмиграции, на наш взгляд, объясняется тесными контактами президента Чехословакии Т.Г. Масарика, которые он имел с русской интеллигенцией определённого политического направления еще с начала XX в. и особенно оживленными накануне распада Австро-Венгерской империи и создания независимой Чехословакии. Кроме того, политический интерес в поддержке русской учёной эмиграции был рассчитан в определенных кругах Чехословацкой республики на случай падения в России большевистского режима.

Эти обстоятельства и расчёты способствовали появлению на свет так называемой «Русской акции» помощи русским эмигрантам, которая прекратилась, как только обнаружилась ее нецелесообразность ввиду изменения политической ситуации. Впрочем, «Русская акция» весьма способствовала развитию творчества историков-эмигрантов именно в Праге. Одной из особенностей их работы было изменение тематики исследований по сравнению с той, которую они разрабатывали в России. Так, ученые, занимавшиеся изучением истории России, не имели источниковой базы для исследований и должны были переориентировать свои усилия на другие проблемы. Это относилось и к иным областям истории. Поэтому научная продукция эмиграции выражалась не в издании отдельных книг и крупных исследований, а в опубликовании множества статей в разнообразных изданиях и на разных языках. Почти полностью отсутствуют издания исторических источников, за исключением тех, которые восходили к старым многолетним изы-

сканиям в архивах проф. Е.Ф. Шмурло и В.А. Францева. Зато преобладали многочисленные публикации мемуаров, воспоминаний, документов о событиях русской жизни за время Первой мировой войны, революции, советской власти и эмиграции.

Но если русская тематика еще отражалась в каком-то жанре сочинений, то исследователи всеобщей истории, занимавшие в России почетное место в системе высшего образования, да и в науке вообще, в эмиграции или ничего не публиковали или отошли от собственно исторической работы, посвящая свое внимание проблемам философии (Л.П. Карсавин), литературы и ее истории (П.М. Бицилли). И только в области истории древнего мира и истории Византии русская эмиграция обнаружила жизнь. Правда, труды в области древней истории принадлежат, главным образом, одному лицу – ученому М.И. Ростовцеву, написавшему за границей ряд крупнейших работ по истории древнего Египта, Греции, Италии и вообще древности.

Что касается Византии, то, наряду с признанными мастерами Н.П. Кондаковым и А.А. Васильевым, в Праге выросла целая фаланга исследователей (Г.В. Вернадский, Г.А. Острогорский, М.А. Андреева), публиковавших свои работы на страницах изданий семинара Н.П. Кондакова.

Однако заметное и почетное место в работах русских историков-эмигрантов занимает изучение славянских народов с точки зрения их взаимных связей, истории права и искусства. Правда, политическая история славян и история Польши редко служили предметом изучения русских авторов в эмиграции. В первую очередь интерес эмигрантов был прикован к проблеме межславянских связей: чешско-русских, русско-балканских, чешско-болгарских и т.д. Эта проблематика была мало изучена. Национальные историографии, в основном, интересовались историей своих стран, связи с другими народами были для них второстепенным вопросом. Но в то же время в архивах Чехословакии и южнославянских стран скопилось немало материалов именно о связях, еще не востребованных наукой.

Самым крупным специалистом в области славяноведения среди русских эмигрантов в Праге был Владимир Андреевич Францев (1867–1942)¹. Полуполяк по происхождению, проживший всю жизнь на территории Польши, В.А. Францев окончил Варшавскую русскую гимназию и Варшавский русский университет, в котором затем работал, пройдя все стадии научной карьеры, и к концу существования Варшавского университета занимал кафедру славянской филологии в должности и со званием ординар-

ного профессора. В 1914 г., в связи с наступлением немцев на Варшаву, русский Варшавский университет был эвакуирован в Ростов-на-Дону. Приехавший с ним В.А. Францев вскоре попал в горнило Гражданской войны и в 1921 г. эмигрировал в Чехословакию. В 1927 г. он принял чехословацкое гражданство и был назначен ординарным профессором Карлова университета в Праге. Еще до эмиграции Францев был в числе крупнейших русских славистов, известных в Европе своими солидными трудами по истории и литературе вне российского славянства. В 1902 г. вышла его работа «Очерки по истории чешского возрождения», в 1906 г. им было издано очень серьезное исследование «Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX столетия». Им были также изданы «Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель»² и корреспонденция Й. Добровского³. Эти и другие труды получили европейское признание среди славистов. Российская Академия наук в 1915 г. избрала В.А. Францева своим членом-корреспондентом, а в 1921 г. и действительным членом. Учёный также был членом многих славянских академий и научных обществ. В преподавательской работе в Праге В.А. Францев должен был переориентироваться: если в Варшавском университете он читал лекции по чешской и южнославянским литературам, исторической грамматике чешского языка и другие курсы по зарубежным славянам, то в Карловом университете преподавал русский язык и словесность. Но в научной работе ему переориентироваться не пришлось, поменялись только некоторые акценты. Правда, в эмиграции он не создал таких фундаментальных трудов, как его магистерская⁴ и докторская⁵ диссертации, но в период с 1921 по 1948 гг. им было опубликовано 79 работ⁶. Учёный обогатил славяноведение фундаментальными изданиями источников. В 1927–1928 гг. он опубликовал корреспонденцию П.Й. Шафарика с русскими учеными⁷. Продолжал изучать творчество Й. Добровского и публиковать источники о нем⁸. В.А. Францев активно исследовал связи русских ученых и писателей с западными и южными славянами⁹. Его работы касаются и болгарско-чешских литературных связей. В отличие от других историков-эмигрантов, В.А. Францев остался верен польской проблематике. Он опубликовал ряд исследований и источников об ученых-поляках и других деятелях¹⁰. Наиболее крупной работой В.А. Францева в эмиграционный период является его монография «Пушкин и Польское восстание 1830–1831 гг.»¹¹, где он защищает русского поэта от наветов и клеветы со стороны националистически настроенных польских литераторов и публици-

тов, которые и через столетие после восстания не дали себе труда вникнуть в суть позиции А.С. Пушкина.

Наряду с активной научной работой В.А. Францев самым тесным образом сотрудничал в русских эмигрантских научных организациях и выполнял в них целый ряд общественных и академических функций.

Активным деятелем научной жизни эмиграции в Праге был также Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968)¹². До эмиграции он был экстраординарным профессором Новороссийского университета по кафедре русской истории. В 1922 г. по распоряжению советского правительства он был выслан из России и обосновался в Праге с 1923 г. На родине он занимался изучением истории России XVIII в., но в эмиграции ему пришлось переориентироваться, и он стал публиковать работы о чешско-русских отношениях вообще и их частных проблемах. Помимо многих статей на эту тему, А.В. Флоровский в 1935 г. опубликовал книгу «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.)»¹³. До появления этой книги в науке не было известно не только о характере, но и о наличии чешско-русских связей в исследуемый период. Вторым важным трудом ученого является книга «Чешские иезуиты на Руси»¹⁴, вышедшая в 1941 г. и, к сожалению, не обратившая на себя внимание исторической критики. И до настоящего времени это исследование ещё не получило надлежащей оценки.

А.В. Флоровский принадлежал к числу активных деятелей научной жизни эмиграции. С 1929 г. он являлся членом Славянского института в Праге, находился в числе руководителей Русского исторического общества и Русского заграничного архива в Праге, активно участвовал в международной научной жизни, делал доклады на всех съездах и конференциях, писал статьи о работе этих форумов, публиковал свои труды на разных языках. Словом, ученый принадлежал к числу крупнейших славистов, живших в первой половине XX в. в эмиграции.

Наряду с крупными учеными, славянскими проблемами в пражском центре эмиграции интересовались и другие лица. Среди них был Борис Алексеевич Евреинов (1888–1933)¹⁵. Ввиду того, что об этом деятеле очень мало доступных материалов, целесообразно рассказать о нём несколько подробнее. Б.А. Евреинов происходил из старой дворянской семьи Курской губернии. Среднее образование он получил в 3-й Санкт-Петербургской классической гимназии; в 1913 г. был удостоен диплома историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Научный

руководитель М.А. Полиевктов предложил Б.А. Евреинову остаться при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории, но Евреинов предпочел практическую деятельность и стал мировым судьей в своих родных краях и до революции занимал эту должность. Он вступил в партию кадетов и в 1917 г. был назначен комиссаром Временного правительства в Суджанском уезде Курской губернии. После Октябрьской революции Евреинов покинул родные края и летом 1918 г. поступил на службу в новообразовавшейся Украинской державе (Второй Гетманат) – состоял в должности секретаря учёного комитета при министерстве исповеданий в Киеве. С ликвидацией Украинской державы, в 1919 г. Евреинов вступил в ряды Добровольческой армии (т.е. белогвардейской армии, боровшейся против большевистского революционного правительства и режима) корнетом, в 17-й гусарский Черниговский полк. Активно участвовал в военных действиях против Красной армии, что впоследствии описал в очерке «Последние судороги денikinского фронта»¹⁶. В феврале 1920 г. в боях в Ростове-на-Дону был тяжело ранен в руку (с раздроблением плечевой кости), эвакуирован на пароходе из Новороссийска в Салоники, где был помещён в британский госпиталь. По выходе из госпиталя Евреинов покинул Грецию и с 1920 г. по 1921 г. был в Польше начальником канцелярии управления интернированных русских войск, а затем отдался работе в русских эмигрантских организациях. В 1923 г. Евреинов переселился в Прагу. Здесь была создана организация для сопротивления большевистскому режиму в России и проникновения в Советскую Россию. По согласованию с известным террористом Б.В. Савинковым Евреинов отвечал за техническую подготовку агентов для проникновения в СССР и за связи с антибольшевистскими организациями. Подобные конспиративные эмигрантские организации Евреинов возглавлял до конца своей жизни. В документах нет сведений о том, что именно эти организации осуществляли террор, как это делал Б.В. Савинков. Агенты Евреинова должны были устанавливать контакты с антибольшевистскими элементами в России, помогать людям, желающим ее покинуть, и распространять антисоветскую эмигрантскую литературу – главным образом газеты и брошюры.

В России ГПУ не дремало. Многие агенты не вернулись, вернувшиеся единицы, как правило, быстро покидали Прагу, по видимому, потому, чтобы больше их в Россию не посылали. Вся эта деятельность финансировалась чехословацким правительством. Это была та самая «гуманная Русская акция», которая так восхищает некоторых историков русской эмиграции в Чехии, указыва-

ющих на ее бескорыстие и человеколюбивое желание помочь попавшим в беду людям. В действительности, вся «Русская акция», 90-летие которой дальние потомки русских эмигрантов и недавние эмигранты из Советского Союза отмечали торжественно и чинно, имела антисоветскую политическую цель, а проигравшие Гражданскую войну белогвардейские офицеры из «гуманных побуждений» посылали на смерть своих агентов, чтобы отомстить за утрату прошлой привольной жизни.

В 1933 г. власти Чехословакии решили начать радиовещание на Советский Союз. Министр иностранных дел Э. Бенеш распорядился найти выдающегося знатока советской действительности и поручить ему радиопередачи, изобличавшие слабости и пороки советского режима. Выбор пал на Евреинова, обладавшего не только нужными знаниями, но и исключительной дикцией. Б.А. Евреинов был первым русским диктором эмигрантов, осуществлявшим антикоммунистические информационно-пропагандистские передачи на русском языке, т.е. участником политической борьбы в радиозфере XX века.

Наряду с активной конспиративной антисоветской деятельностью, Б.А. Евреинов успешно работал в эмигрантских организациях в Праге. Был одним из основателей Русского исторического общества и его секретарем, являлся членом Славянского института (с 1929 г.), а также Союза русских писателей и журналистов. Входил в совет и ученую комиссию Русского заграничного исторического архива и стал одним из учредителей Русского музыкального общества. В 1927 г. он сдал магистерский экзамен при русской академической группе в Праге и получил в качестве магистранта русской истории звание приват-доцента. Обладая многими способностями и дарованиями, он развернул научно-историческую деятельность. Однако, по утверждению одного из авторов, опубликовавшего о нем статью, «Евреинов был не столько ученым, сколько политиком, фактическим лидером Республиканско-демократической группы партии Народной свободы (РДГПНС) в Праге. А для большевиков – в жестокой конспиративной борьбе разведок и контрразведок – Евреинов был достойным противником. Он почти десять лет руководил нелегальными разведывательными структурами русских эмигрантов–демократов (т.е. эсеров и кадетов – Л.Л.). Его агенты проникали в Советскую Россию до весны 1930 года»¹⁷.

Вместе с тем Евреинов развернул живую научную деятельность, в центре которой была история. Одним из его интересов была история России. Он изучал архивы Чехословакии в поисках

в них русских исторических материалов. В архивах кн. Шварценбергов в Тржебони и Крумлове и архиве графов Черниных в Индржиховом Градце он обнаружил большое количество документов о пребывании русских войск в Чехии в 1799–1813 гг. Результаты своих исследований он докладывал на заседаниях Русского исторического общества. В печати он подробно осветил обстоятельства пребывания русского императора Александра I в гостях у кн. Шварценберга, опубликовал ряд архивных справок в статьях «Русские войска на юге Чехии в 1799–1800 гг.» и «Два документа эпохи наполеоновских войн», напечатал очерк «Архивариус Вацлав Бржежан», в котором говорится об авторе исторических сочинений, написанных в начале XVII в. В статье о Петре Кашпаре Святецком Евреинов осветил работу местного летописца XVIII в.

Другим аспектом интереса Б.А. Евреинова была личность и деятельность русского революционера Михаила Александровича Бакунина. В пражском полицейском архиве исследователь нашёл материалы о пребывании Бакунина в австрийских тюрьмах в 1849–1851 гг. и о выдаче его русскому правительству. Эти документы послужили автору основой для статьи «М.А. Бакунин и австрийские власти в 1848–1851 гг.»¹⁸. Им же проанализированы сведения Бакунина о его деятельности в Европе, помещенные в статье «“Исповедь” Бакунина».¹⁹ В 1933 г. была опубликована статья Евреинова «Последний этап славянской деятельности Бакунина»²⁰. По материалам архива пражской полиции Евреинов напечатал статьи: «Ю.Ф.Самарин в Праге»²¹, а также о чешских откликах на события русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. Таким образом, творчество Б.А. Евреинова в области истории было весьма плодотворно. Ученый открыл в чешских архивах много интересных и ценных материалов и ввёл их в научный оборот.

Вторым эмигрантским центром, где русские историки-эмигранты нашли себе пристанище, была Югославия (до 1929 г. – Королевство сербов, хорватов и словенцев). Здесь в 1920 г. обосновался крупный историк, бывший профессор Харьковского университета Александр Львович Погодин (1872–1947). Славист-энциклопедист после эмиграции на родине был забыт. Но в настоящее время о нем есть немало литературы, а в 2011 г. вышла наша книга о его жизни и творчестве²². Поэтому целесообразно остановиться на деятельности учёного в эмиграции лишь кратко.

Условия для научной работы в Югославии отличались от пражских. Югославское государство не имело больших традиций в этой области, не было библиотек, отсутствовали научные кадры.

В отличие от Чехословакии, где учебные заведения не испытывали большой необходимости в новых кадрах, в Югославии русских учёных-эмигрантов не только принимали на работу, но и интегрировали в свою культуру. Для осуществления преподавания они должны были изучить сербский язык, читать на нём лекции и публиковать научные труды. А.Л. Погодин получил место в Белградском университете, но преподавал не славянскую историю, как в России, а занял низкооплачиваемую должность лектора русского языка, ибо такого предмета, как история славян, в местных университетах не существовало. Не имея возможности серьёзно заниматься историей славян, А.Л.Погодин пишет статьи в разные журналы и на разные темы: лингвистические, археологические, по русской литературе. Из-под его пера в эмиграции не вышел ни один крупный труд по истории, который мог бы сравниться с работами, опубликованными им в России. Вынужденный переориентироваться в своей научной деятельности, А.Л. Погодин занялся изучением вопроса о том, что было написано в Сербии о России. В 1932–1936 гг. вышла его двухтомная «Русско-сербская библиография с 1800 по 1925 гг.», которая представляет собой ценный труд, не утративший научного значения до настоящего времени.

Больших результатов добились работавшие в Белградском университете и вообще в Королевстве СХС (Югославии) эмигранты из России, исследовавшие славянское право.

В университетах дореволюционной России славянское право не преподавалось, хотя кафедра по этому предмету была учреждена Уставом 1863 г. Однако за неимением кадров она не функционировала нигде, кроме Варшавского русского университета. За период существования этой кафедры ее занимал Ф.Ф. Зигель (1845–1921), воспитавший на юридическом факультете ряд талантливых учеников. Среди них был Федор Васильевич Тарановский (1875–1936). Он происходил из польско-русской семьи, получил среднее образование в Варшавской гимназии, а высшее – на юридическом факультете Варшавского университета. После защиты магистерской диссертации Ф.В. Тарановский преподает историю российского права в разных вузах России, а после Октябрьской революции 1917 г. эмигрирует в Белград, где организует кафедру славянского права в Белградском университете. При поддержке короля Александра Карагеоргиевича Тарановский приглашает на юридический факультет Белградского университета в качестве преподавателей А.В. Соловьева, Е.В. Спекторского, К.М. Смирнова и С.В. Троицкого. Эти люди возродили историю славянского права и подняли эту область правовой науки на мировой уровень. Ф.В. Та-

рановский читал лекции студентам на сербском языке и издал по истории права у славян учебник. Затем он обратился к изучению главного юридического памятника права Сербии в Средние века – «Законника Стефана Душана» и написал ряд статей на эту тему. Сравнительным методом он исследует чешские, польские и сербские юридические памятники и приходит к выводу «о двух различных типах единой европейской цивилизации». Тарановский писал содержательные рецензии на работы по славяноведению, объединив свой критический обзор литературы, трактующий изучение прошлого славян как неделимого, единственного в своем роде целого, в статье «Славянство как целое в истории» (1929). Делом жизни Ф.В. Тарановского был четырехтомный труд «История сербского права в государстве Неманичей» (1931, 1935). Он содержит характеристику всех видов правовых отношений в средневековый период истории Сербии. По существу, это история всего общества периода Неманичей. Изучение права славянских народов Ф.В. Тарановский осуществлял методом сравнительного исследования. Ученый внес большой вклад в науку о славянском праве.

Коллегой Ф.В. Тарановского по Белградскому университету и учеником Зигеля по Варшавскому был Александр Васильевич Соловьёв (1890–1971). Это также выдающийся учёный в области славянского права. Он окончил юридический факультет Варшавского университета в 1912 г. После ухода Белой армии из Ростова-на-Дону, где А.В. Соловьёв находился вместе с эвакуированным Варшавским университетом, он эмигрировал и в 1920 г. прибыл в Белград. Под руководством Ф.В. Тарановского А.В. Соловьёв углубляет исследование памятников сербского права, в том числе «Законника Стефана Душана», где изучает все области права, сопоставляет «Законник» с византийской правовой традицией и ставит его в единый контекст с другими законодательными актами и грамотами. А.В. Соловьёв печатает целый ряд работ на эту тему и является выдающимся исследователем истории средневековой Сербии. Наряду с «Законником» А.В. Соловьёв исследовал вопрос о значении византийского права на Балканах. В 1939 г. вышло его значительное произведение – «Лекции по истории славянского права», где он сумел вписать правовую историю средневековой Сербии в общее русло развития права славянских народов.

Следующей областью науки, в которой работали русские ученые-эмигранты, было византиноведение, в частности византийско-славянские и особенно византийско-южнославянские отношения. В этой сфере гуманитарных знаний в Югославии работали два русских ученых, деятельность которых выдвинула югослав-

ское византиноведение на третье место в Европе, после Германии и Франции. В России в дореволюционный период византиноведение имело большие достижения, но после революции эта наука постепенно была ликвидирована, тогда как именно с 1930-х годов в Югославии она процветала, благодаря учёным русского происхождения.

Кафедра византиноведения в Белградском университете ожила с приходом Георгия Александровича Острогорского (1902–1976). Он родился в Санкт-Петербурге в богатой еврейской семье. В 1919 г. окончил гимназию, семья его эмигрировала, и высшее образование Острогорский получил за границей – в Германии и Франции, защитил диссертацию о сельской общине в Византии, работал приват-доцентом во Вроцлавском университете и в 1933 г. прибыл в Белград, где развернул научную и организаторскую деятельность по византиноведению. Это был талантливый и разносторонний ученый. Он разрабатывал экономические проблемы Византии, вопросы отношений государства и церкви, византийско-славянские отношения и др., по-новому осмыслил и прокомментировал 3-ю главу из произведения византийского императора Константина VII Порфирогенета «Об управлении империей», являющегося основным источником по истории Сербии в период раннего средневековья. Его соображения были приняты наукой и признаются в настоящее время. Он досконально знал источниковую базу византиноведения, владел современными методами источниковедческого и историографического анализа и относится к числу ведущих византинистов XX в. Наряду с другими важными многочисленными работами Г.А. Острогорскому принадлежит монография «История Византии», переведенная на многие языки и не утратившая значения до настоящего времени.

В 1948 г. Острогорский основал Византологический институт Сербской Академии наук и искусств, а в 1961 г. под его руководством был проведен XII международный конгресс византологов в Охриде. Он создал целую школу своих учеников в Югославии.

Вторым ученым, поднявшим византиноведение на мировой уровень, был коллега Острогорского Владимир Алексеевич Мошин (1894–1987). Он был русским дворянином, после окончания гимназии в 1913 г. поступил в Санкт-Петербургский университет, где успел получить представление о высоком уровне исторической науки, в том числе и по византиноведению, но со 2-го курса ушел добровольцем на фронт Первой мировой войны. Во время Гражданской войны присоединился к Белой армии и вместе с ее ос-

татками прибыл в Югославию. Здесь он закончил образование, в 20–30-е годы тесно контактировал с *Seminarium Kondakovianum* в Праге и, в конечном счете, получил место приват-доцента в Белградском университете. Здесь он изучает памятники южных славян и Византии, ежегодно ездит на Афон, где исследует рукописи афонских монастырей, и печатает результаты своей работы в научных изданиях. В отличие от Острогорского, сосредоточившего свое внимание на истории Византии и византийско-югославянских отношений, В.А. Мошин исследовал русскую и южнославянскую историю, русско-византийские отношения. Предметом его штудий были вспомогательные исторические дисциплины в рамках упомянутых проблем. Он изучал археографию, палеографию, филигранологию, хронологию, художественное оформление средневековых южнославянских рукописей, дипломатику, эпиграфику и сфрагистику. Во всех этих областях В.А. Мошин является зачинателем исследования и основателем новых направлений в науке. Ученый открыл, описал и изучил огромное число древних южнославянских источников, которые он обнаружил в сербо-хорватских и македонских архивах, библиотеках и на Афоне. В.А. Мошин стал основателем югославской палеографической науки, воспитал школу югославских исследователей кириллического письма, сербских и византийских источников, создал новую методологию, включавшую филологический, текстологический, дипломатический и историко-юридический критерии, составил дипломатарий (сборник грамот – *Л.Л.*), чем способствовал значительному прогрессу современной науки в области изучения древностей южнославянских народов.

В Болгарии наибольшую известность среди русских историков-эмигрантов приобрел Михаил Георгиевич Попруженко (1866–1944). Он был профессором Новороссийского университета в Одессе, занимал кафедру славяноведения и читал все курсы предмета: историю славянских народов и литературу, введение в славяноведение, церковно-славянский язык, вел занятия по славянским языкам и т.д. – как это практиковалось в российских провинциальных университетах. В научном плане М.Г. Попруженко занимался южнославянской средневековой письменностью и в 1899 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Синодик царя Борила». Наиболее крупные труды М.Г. Попруженко посвящены изданию источников по богомилству – «Слова» Козмы Пресвитера и «Паноплии» Зигавина. В России его сочинения оценивались невысоко и подвергались серьезной критике. В 1919 г. М.Г. Попруженко эмигрировал в Болгарию, которую и раньше часто посещал, и

превратился там в крупнейшего ученого. С 1920 по 1941 гг. он читал в Софийском университете историю русской литературы, в 1923 г. был избран членом-корреспондентом Болгарской Академии наук, а в 1941 г. стал болгарским академиком. Новых больших работ М.Г. Попруженко в Болгарии не написал, но свою главную монографию постоянно совершенствовал и в 1936 г. издал ее в очередной раз. Наряду с этими трудами М.Г. Попруженко публиковал работы о болгарском Возрождении и популяризировал в Болгарии творчество русских писателей.

В заключение изложения материала о русских историках-эмигрантах следует сказать, что все они, здесь упомянутые и другие, внесли вклад в развитие исторической науки. Но этот вклад был неравноценным. Историки славянского права и византилисты способствовали приобретению этими видами гуманитарных знаний европейского уровня. Историки, жившие в эмиграции в Чехии, обогатили своими трудами сведения о состоянии чешско-русских и межславянских связей, начиная с древности и кончая современностью. Кроме того, историки, жившие в Чехии, стали родоначальниками изучения языка, истории и современности Карпатской Руси – области, вошедшей в состав Чехословакии совсем недавно и чешскими историками не изучавшейся. Из русских о Карпатской Руси писали В.А. Францев, А.В. Флоровский, А.Л. Петров и многие другие.

Наибольшую практическую пользу для славянских народов принесли те ученые-эмигранты, которые работали в Королевстве СХС (Югославии). Это новое государство состояло из народов, среди населения которых был высокий процент неграмотных, кадры интеллигенции были по численности весьма скромны, большинство научных дисциплин находилось в зачаточном состоянии. Русские ученые-эмигранты создали в Королевстве СХС (Югославии) ряд отраслей исторической науки, специальные научные учреждения, воспитали национальные кадры. Именно эти люди выполнили гуманитарную миссию, подняв своим самоотверженным трудом просвещение и науку на уровень, которого в этой стране в то время не было.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О В.А. Францеве см.: *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. Литература о нем – на с. 289–291.

² Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Издал В.А. Францев. Варшава, 1905.

³ Korespondence Josefa Dobrovského. Díl II. Vzájemné dopisy J. Dobrovského a Jiřího Samuele Bandtkého z let 1810–1827. K vydání upravil V. Francev. Praha, 1906.

⁴ Францев В.А. Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902.

⁵ Францев В.А. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX столетия. Прага, 1906.

⁶ Syllaba Theodor. V.A. Francev: bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho činnosti. Praha, 1977.

⁷ Korespondence Pavla Josefa Šafaříka. Vzájemné dopisy P.J. Šafaříka s ruskými učenci (1825–1861). Vydal V.A. Francev. Část I v Praze, 1927; Část II v Praze, 1928.

⁸ Например, Francev V.A. Cesta J. Dobrovského a hr. J. Šternberka do Ruska v letech 1792–1793. V Praze, 1923; Řeč Josefa Dobrovského proslovená dne 25. září 1791 v České učené společnosti. S předmlouvou V.A. Franceva. Praha, 1926; Dopisy neznámé české šlechtičny Josefu Dobrovskému z r. 1796. Vydal V.A. Francev. V Praze, 1929; Францев В.А. Аббат Иосиф Добровский, патриарх славяноведения // Россия и славянство. Париж, 1929. № 11, 9/2. С. 3–4.

⁹ Например, Францев В.А. Державин у славян. Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX ст. Прага, 1924; «Славянские девы» кн. А.И. Одоевского. Славянофильская идея декабристов. Прага, 1923; Славянское путешествие Н.И. Надеждина в 1840–1841 гг. Прага, 1935 и др.

¹⁰ Например, Францев В.А. Последнее учёное путешествие графа Яна Поттоцкого 1805–1806. Из материалов для его биографии. Прага, 1938; Польский славянофил Роман Зморский 1822–1867. К истории польского славяноведения. Прага, 1919 и др.

¹¹ Францев В.А. Пушкин и Польское восстание 1830–1831 гг. Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Прага, 1929.

¹² Об А.В. Флоровском имеется литература, главным образом, словарного и юбилейного характера. Она перечислена в: На рубеже культуры. Российская эмиграция в межвоенный период. М., 2012. С. 20.

¹³ Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Т. I. Прага, 1935.

¹⁴ Florovský A.V. Čeští jesuité na Rusi. Jesuité české provincie a slovanský východ. Praha, 1941.

¹⁵ В Государственном архиве Российской Федерации имеется Архив Б.А. Евреинова (Ф. 5891). Из литературы о нём можно указать: Соколов М. Вторая жизнь Бориса Евреинова // Новый журнал. Кн. 251. Нью-Йорк, 2008. С. 378–404; Флоровский А.В. Борис Алексеевич Евреинов 28.XI.1888 – 29.X.1933 // Некролог из неизвестного журнала.

¹⁶ Евреинов Б.А. Последние судороги деникинского фронта // На чужой стороне. Кн. 10. Прага, 1925.

¹⁷ Соколов М. Вторая жизнь Бориса Евреинова. С. 378.

¹⁸ Научные труды Русского Народного университета в Праге, 4. Прага, 1931. С. 118–128.

¹⁹ Записки Русского исторического общества в Праге. II. Прага, 1930. С. 95–124.

²⁰ Научные труды Русского Народного университета в Праге, 5. Прага, 1933. С. 98–109.

²¹ *Евреинов Б.А.* Ю.Ф. Самарин в Праге в 1867–1868 гг. // Сборник Русского института в Праге, I. Прага, 1929. С. 333–351.

²² *Лаптева Л.П.* Русский историк-славист Александр Львович Погодин: Жизнь и творчество (1872–1947). М., 2011.